

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Третий всадник / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Чекисты. Волки Сталина).

ISBN 978-5-04-185903-9

1933 год. Нижнепольская область бурлит. Народное недовольство растет. Кулаки лютуют. Переселенцы тысячами уходят в бега. Крестьяне с ног падают от недоедания и недосыпания. Замечены факты людоедства и грабежей складов.

А началось все с того, что по селам стали шнырять какие-то люди с мандатом от заведующего сельхозотделом обкома партии Головченко. Ссылаясь на его приказ, они подчистую отбирали у крестьян продуктовые запасы. Причем никто не знает, куда эта сельхозпродукция в итоге подевалась. Нет ее ни в районе, ни на союзных складах. Словно испарилась. Как, впрочем, и сам Головченко.

Группе чекистов из ОГПУ во главе с закаленными бойцами Большаковым, Русаковым и Лифшицем поручена крайне опасная операция. Уже установлено место, где схоронился беглый партиец. Осталось лишь ворваться в его логово и взять мерзавца живым. Но, как оказалось, вовсе не Головченко оказался самым опасным врагом. А кто-то среди своих...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185903-9

© Зверев С.И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

В книге использованы документы ОГПУ СССР. Большинство описанных фактов имели место в действительности в тот сложный период истории страны.

ГЛАВА 1

— Сорвете операцию, товарищ Сидоров, пойдете под суд, — бодро и доброжелательно объявил москвич Русаков.

Только вот от этой доброй бодрости нашего шофера всего перекошило.

— Да я тут при чем? — забормотал он испуганно. — Такой бензин куркули на базе залили! Он для мотора что спорынья для человека! Вот кого под суд надо! А мы все своими руками...

Похоже, испугался не на шутку и сам мотор. После очередных двух оборотов пусковой ручки он покорно завелся и теперь был готов выполнять все пожелания хозяев с преданной готовностью, как хорошо дрессированный пес.

— В автобус! — приказал Русаков группе толкущихся во дворе товарищей.

Вскоре новенький, но не слишком надежный автобус «АМО-Ф-15» на полтора десятка пассажирских мест выехал напрямик в темную звездную ночь за ворота нашего купеческого особня-

ка. Кряхтя мотором, изнуренным некачественным питанием, он устремился по улице Юных Ленинцев на юго-восток Нижнепольска.

Не прошло и десяти минут, как мы затормозили на перекрестке Ворошилова и Цветочной, где двухэтажные рабочие бараки фабрики имени Клары Цеткин врезались в одноэтажную частную застройку. Как наглядный результат выполнения плана ГОЭЛРО, в прошлом году это место было освещено уличными электрическими фонарями.

— Мотор не глушить, — велел Русаков, а потом откинулся на дерматиновую спинку сиденья и начал насвистывать под нос что-то бравурное и жизнеутверждающее, вроде «мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Минут через пять он вытащил из специального кармашка своего полувоенного темно-зеленого френча компактные серебряные часы-луковку и укоризненно покачал головой:

— Задерживаются товарищи.

Какие товарищи куда должны приехать? И куда мы двинули в свете луны? Ничего не понятно, кроме начальственных обещаний: «Скучно не будет, едем брать жирную контру». Мандража и боевого настроения у меня пока не было никакого. Они уютно дремали под толстым одеялом неведения. И сам я пребывал в дремотном состоянии. В свое время прозвучит сигнал «вперед», тогда и будем действовать, волноваться. Или го-

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

лову честно сложим — всякое ведь на чекистской службе случается. А пока нечего беспокоиться.

Издали слышался нарастающий рев мотора. К перекрестку подкатывал еще один «АМО» — почти такой же, как наш, если не считать, что это был грузовик грязно-рыжего цвета. Его кузов был полон вооруженных винтовками пассажиров.

— Вперед, товарищ Сидоров, — спокойно приказал москвич шоферу.

Наш автобус послушно ринулся наперерез, внаглую перегородил проезжую часть и застыл. Вскоре скрипнули тормоза, и рыжий грузовик остановился в каком-то метре от нас.

Из кабины выпрыгнул невысокий сухощавый мужчина в обрезанной по колено, перепоясанной ремнями и мятой, как будто ее жевали, шинели. Зато сапоги вычищены так, что в них можно смотреться, как в зеркало, а папаха залихватски заломлена.

— Что ж ты, так тебя растак, оглоед безглазый, рулишь, куда не просят! — раздухарился незнакомец, и высокий полет его образной речи надежно опирался на крылья смачных, с мастерскими загибами, нецензурных выражений.

Из кузова грузовика между тем стали выпрыгивать бойцы с винтовками. Притом действовали они слаженно, а у некоторых стволы уже смотрели в нашу сторону. Ну что, молодцы, для шпаков очень даже неплохо.

— Баста, приехали! — махнул рукой москвич, выйдя из автобуса.

Я устремился следом, ненароком расстегнув свою брезентовую куртку, чтобы в случае чего быстро вытянуть заткнутый за пояс наган.

— Товарищ Русаков, — медленно и с чувством, как будто оправдались его самые худшие опасения, произнес субъект в папахе.

— Не ждали? — сочувственно спросил москвич.

— И на каком основании... — начал было «папаха», но был бесцеремонно прерван москвичом.

— Мои основания вам хорошо известны. Вы никак за Головченко собрались?

— Откуда узнали? — хмуро посмотрел на москвича собеседник.

— По своим каналам... Досадно как-то, что вы не известили органы ОГПУ о своих грандиозных планах. Ведь вопросы могут быть. Отвечать придется.

— Да какие вопросы, Иван Афанасьевич! Каюсь, сам его взять хотел! У нас к нему особые личные счета.

— Какие личные счета, товарищ Лифшиц? Аполитично как-то звучит. Одно дело делаем. Так что поступаете со своим продотрядом под мое командование, — припечатал без права обжалования москвич.

Поскольку по факту возразить товарищу Лифшицу было нечего, он только развел руками —

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

мол, хозяин — барин. А что поделаешь? Полномочий у столичной штучки Русакова хватало, чтобы построить в области кого угодно.

Я немного взбодрился. Ну, теперь кое-что проясняется. Головченко — это в недавнем прошлом заведующий сельхозотделом обкома ВКП(б), а ныне находящийся в розыске враг-вредитель. С зернозаготовками и коллективизацией наворотил он столько бед для советской власти, что барону Врангелю не снилось. Во многом это ему я обязан тем, что меня выдернули из уютного родного дома и отправили в эту длинную командировку, в состав специальной группы ОГПУ СССР.

С интересом смотрел я и на Лифшица, в этих местах фигуру легендарную. В возрасте, уже за пятьдесят, сморщенный, страшно энергичный, воинственный, а глаза так и шныряют вокруг — хитрые и все замечающие. Он обернулся к своим людям и произнес:

— Поступаем в распоряжение ОГПУ. Товарища Русакова.

Смотрели на нас продотрядовцы кисло. Не читалось на их лицах искреннего стремления помочь органам. Воспринимали они нас скорее как бесстыдных наглецов, норовивших утащить из-под носа их заслуженную добычу.

Вообще, продотряд — это какая-то странная шарашка, которая регламентировалась не зако-

ном, а обстоятельствами и желанием областного начальства. В разгар коллективизации, когда стал понятен огромный объем задач, стоящих перед государственным аппаратом по околхозиванию, раскулачиванию и сбору продналога, в помощь ему был создан внештатный отряд при административном отделе Нижнепольского облисполкома. Туда были прикомандированы самые разные люди — пара милиционеров, партийные рабочие с предприятий, комсомольцы, служащие. А поскольку руководил ими старый большевик Лифшиц, то вскоре по виду, содержанию и методам работы это стал типичный продотряд, будто бы вернувшийся из ранних революционных времен. Кстати, в нем действительно служило несколько человек из тех старых, героических продотрядов. Отряд Лифшица вскоре тут вполне прижился в качестве какого-то полулегального вооруженного формирования. И объем работы им выполнялся огромный. Продотрядовцев не стеснялись привлекать на разные мероприятия, в том числе в качестве вооруженной силы. Боялись их кулачье и мироеды как бы не больше, чем войск ОГПУ.

— Операция чекистско-боевая. На ее время вы считаетесь мобилизованными в ОГПУ, неподчинение, трусость и саботаж будут расценены по всей строгости. Это понятно? — спросил Русаков.

— Да понятно все, — услышались вразнобой голоса.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

Все это продотрядовское воинство, разношерстно одетое — кто в пальто, кто в куртке и пиджаке, кто в сапогах, а кто в модельных кожаных нэпманских туфельках, сильно напоминало Красную армию образца 1918 года. Что роднило всех этих бойцов — винтовки-«мосинки» на плечах.

Москвич останавливал насмешливый, холодный и требовательный взгляд на каждом, отчего люди невольно выпрямлялись и расправляли плечи, испытывая желание вытянуться по стойке смирно. По какому-то наитию мой взор уперся в долговязого парня чуть за двадцать годков, его ватное пальто было узковато, а кепка сидела блином.

И тут меня как током пронзило. Краем глаза заметил, как Русаков многозначительно переглянулся с ним. Мимолетно, незаметно, как они думали. Но я не первый год играю в эти игрушки-погремушки. И просто нутром ощутил нить, связывающую этих людей. Все понятно. Связка осведомитель — куратор. Теперь становится ясно, кто донес нам о планах товарища Лифшица.

М-да, так засыпаться. Я был о Русакове лучшего мнения. Хотя и на старуху бывает проруха. Да и таких чувствительно-глазастеньких, как я, на самом деле вокруг совсем немного. Так что прокол не слишком значительный... Но все же прокол.

Снова заурчал мотор, и наш автобус двинулся следом за грузовиком. Русаков изложил нам диспозицию, а заодно распределил, кто как действует и кто кого страхует. С учетом моего длинного, как век Мафусаила, и славного, как подвиги Геракла, послужного списка, меня по неизменной доброй традиции поставили в штурмовую группу на острие атаки. Как всегда. Одно непонятно, как с таким счастьем я до сих пор жив. Но ведь жив и сегодня тоже погибать не собираюсь. Всех делов-то — спеленать одного контрика. Или не одного — это скоро увидим. Но под ложечкой все же тревожно засосало. Потому что пуля, она дура, и когда чекиста найдет — одному богу известно. А жить, несмотря на все невзгоды, мне еще не надоело... Ладно, главное — спокойствие. Нет ничего хуже, чем изводить себя всякими трепетными чувствами и заковырыстыми мыслями перед горячим дельцем.

Мы остановились на самой окраине Нижнепольска, где в ряд шли заросшие пруды, неухоженные лесопосадки, а у реки чернела давно брошенная лодочная станция. До революции эти места славились престижными именьями, но Гражданская война прошла по ним катком, так что теперь здесь лишь руины.

Перед нами открылось длинное, приземистое строение, некогда бывшее богатым домом, который теперь погибал, лишившись крыши

и рухнувшего правого крыла. Слева от него стоял относительно целый флигелек, правда, без окон и дверей. Когда-то все это было барским помещением, позже выкупленным богатыми купцами и разоренным в 1918 году. Управление землепользования, за которым оно числилось, хотело отдать его под коммуну и отремонтировать, но все никак руки не доходили. Здесь мы две недели назад проводили мероприятия по отлову беспризорников, насобирали их пару десятков. Теперь тут тишина, пустота.

Мы растянулись цепочкой, охватывая объект атаки. Продотряд маячил за спиной. А я, Русаков, Лифшиц и пара чекистов из нашей группы опасливо приближались к флигелю.

— Там он, выродок, — прошептал Русаков, замирая и пялясь на строение. И на самом деле в окошке мелькнул отблеск огонька. — Брать живым. Несмотря ни на что.

Живым так живым. Проявим геройство. Главное при этом — самим живыми остаться. Ну а с его жизнью — как получится. Тут загадывать нельзя. Но задача понятна.

А потом начался штурм, если это можно так назвать. А если проще — задержание особо опасного преступного элемента.

По отмашке москвича мы рванули вперед, по заранее определенной траектории, как булыжники, пущенные умелой и сильной рукой.